

— Никому не уходить! — Лян Шу стояла в дверях двора, растрепанная, с измятой одеждой и красными следами от подушки на лице.

Ее глаза, налитые кровью, впились в каждого, кто находился во дворе, а на лбу и шее вздулись вены.

— Девушка, — Цзян Чжунсюй вздохнул и попытался вразумить ее: — Мы понимаем, что вы встревожены пропажей вещей, но у нас есть свои задачи. У нас в руках ничего нет. Может, лучше будет, если вы осмотрите наши комнаты после того, как мы уйдем?

Лян Шу закричала:

— Нет! Это наверняка кто-то из вас украл! Никому не разрешаю уходить!

Сянь Чэньюэ сидел на стуле, не шевелясь. Чэнь Вэй бросил на него взгляд, и, как только их глаза встретились, Чэнь Вэй громко произнес:

— В любом случае, дел у нас сейчас нет, максимум потратим час. Пусть проверяют, если хотят.

Парень рядом с Цзян Чжунсюем тут же вставил:

— Это вам не к спеху, а нам к спеху! — Он возбужденно обвел взглядом присутствующих: — Нельзя же просто верить всему, что она говорит! Ночью никто не мог покинуть дом, может, они сами свои машевые пирожные съели?!

Голос парня был хриплым, он еще находился в периоде ломки голоса. Он был даже моложе того рыжеволосого парня, что погиб. С круглым носом и лицом, он мог бы показаться милым, но сейчас он жался к Цзян Чжунсюю, и в его взгляде читалась нескрываемая тревога.

Се Юминь вместе с двумя другими мужчинами бросилась к парню. Голос Се Юминь был сухим — она уже несколько дней не смела пить воду и нормально отдыхать, страдая от хронического недосыпа, а днем вынуждена была работать как осел. Мельник давал им пирожные только потому, что они работали больше, чем тягловые животные.

Неважно, толкали ли они жернова руками или использовали самодельные лямки, к концу дня кожа на плечах была стерта в кровь. И на следующий день приходилось возвращаться — как бы ни болело, приходилось терпеть.

Три дня... три дня тяжелого труда ради одной тарелки пирожных. У них оставалось всего два дня, второго шанса не будет.

— Это ты! — Се Юминь вцепилась в воротник парня. — Это ты украл!

Парень дрожал, но продолжал упорствовать:

— Не я! С чего ты взяла?! Брат Цзян, брат Цзян может подтвердить, я всё время был с ним, никуда не отходил!

Более десятка глаз во дворе устремились на Цзян Чжунсюя. Тот вздохнул, приняв вид добродушного человека:

— Мы последние дни всё время ходили по деревне, как только возвращались — я сразу ложился спать. Но мне кажется, Сяо Чжан не из тех, кто ворует. Да и зачем ему красть вашу цель задания?

— А вдруг? — усмехнулся мужчина из группы Чэнь Вэй. — Новички могут не знать, но мы-то, старички, в курсе. Даже если это чужая цель задания, иногда это помогает пройти уровень, особенно в партиях, где много новичков.

Чэнь Вэй подхватил:

— Господин Цзян, вы разве не знали?

Цзян Чжунсюй взглянул на него с едва заметной жалостью в глазах и снова вздохнул:

— Я знал, но Сяо Чжан — нет. — Он внезапно вдохнул, словно что-то вспомнив, и, потирая подбородок, добавил: — Кажется, вчера я упоминал об этом при Сяо Чжане.

Лицо парня стало белым как полотно. Он недоверчиво посмотрел на Цзян Чжунсюя и отступил на шаг:

— Брат Цзян?

Цзян Чжунсюй продолжил:

— Раз Сяо Чжан под подозрением, обыскивайте. Но подозрение не означает вину. Иногда вы просто хотите видеть его виновным, и неважно, как всё было на самом деле, вы всё равно будете приписывать ему преступление. Проблема не в том, сделал он это или нет, а в том, что вы об этом думаете.

Сказав это, Цзян Чжунсюй бросил парню многозначительный взгляд. Тот крепко сжал кулаки, заметно успокоился, и лицо его перестало быть таким бледным. В конце концов, даже если он это сделал, что они ему сделают? Брат Цзян сказал ему: в таком месте рассуждать о морали и принципах — значит доверить свою судьбу другим. Даже если поймают, неужели они забьют его до смерти? Все они люди образованные, он всего лишь украл еду, никого не убил — на такое они не пойдут.

Сянь Чэньюэ внимательно слушал. Су Янь прошептал:

— Брат Сянь, думаешь, это он украл?

Сянь Чэньюэ ответил:

— Да.

Су Янь удивился:

— И Цзян Чжунсюй может такое говорить?

Сянь Чэньюэ потер подбородок:

— Почему нет? Сказал он очень даже складно.

Су Янь застыл, не зная, что ответить, но Чэнь Вэй подхватил уверенно:

— В таких местах о морали говорить нельзя.

Су Янь опешил. А как же образ святоши? Чэнь Вэй с улыбкой спросил Сянь Чэньюэ:

— Брат Сянь, как думаешь, чем всё закончится?

— Либо выгонят, либо запрут, — ответил Сянь Чэньюэ. — Убивать точно не станут.

Сянь Чэньюэ видел слишком много подобного, чтобы это казалось ему хоть сколько-нибудь интересным.

Лян Шу и остальные, конечно, не стали слушать Цзян Чжунсюя. Мужчины начали обыскивать Чжан Яня, заглянули даже в нижнее белье — ничего. Затем они схватили его и потащили обыскивать комнату.

Су Янь взглянул на Чжао Фэна, который стоял в стороне, скрестив руки на груди. Лицо у того было мрачнее тучи, но он не двигался и молчал. Куда он пропадал? Разве он не выходил вместе с Цзян Чжунсюем? Будучи в одной группе и в одной комнате, Чжао Фэн не мог не участвовать. Возможно, он действовал заодно с Цзян Чжунсюем, подставляя единственного оставшегося в комнате новичка.

Чжан Яня уже затащили в комнату. Там почти негде было спрятать вещь — ни шкафов, ни тайников, только кровать да стол. Раз им нужно было сдать пирожные, они не могли закопать их в землю. Лян Шу залезла на кровать, перевернула матрас.

— Как же так... — она бессильно опустилась на кровать.

Она растерянно обернулась. Чжан Янь тоже выглядел совершенно сбитым с толку. Выражение лица Цзян Чжунсюя слегка изменилось, но он тут же мягко проговорил:

— Я же говорил, Сяо Чжан не из таких. Раз здесь не нашли, может, стоит поискать в других комнатах?

В итоге Лян Шу с остальными обыскали всё, но ничего не нашли. Оставалось всего два дня... Лян Шу села на землю и разрыдалась. Остальным из ее группы было не лучше.

Чжао Фэн вдруг сказал:

— Раз всё, я пойду.

На этот раз никто не стал его задерживать, и он вышел со двора. Лян Шу внезапно что-то вспомнила, резко поднялась и, словно хватаясь за последнюю соломинку, бросилась к Сянь Чэньюэ.

— Брат Сянь! — Лян Шу выдавила улыбку, которая выглядела хуже, чем слезы. — Брат Сянь, спаси нас, умоляю...

Она рухнула перед ним, почти встав на колени. Сянь Чэньюэ посмотрел на нее. Молодая девчонка, не слишком смелая, но сумевшая продержаться до сих пор.

— Сходите на мельницу еще раз, — Сянь Чэньюэ откинулся на спинку стула. Лицо его оставалось бесстрастным, в глазах не было ни капли жалости, но он не возражал дать совет: — Не бывает заданий, которые невозможно выполнить.

Лян Шу пробормотала:

— Мельничиха сказала... что даст только одну тарелку.

Сянь Чэньюэ холодно отрезал:

— Если не хотите пробовать, сидите здесь и ждите смерти.

Он встал, не проявляя больше интереса к этому фарсу, и вышел со двора. Су Янь поспешил за ним. Остался только Чэнь Вэй. Он с подчеркнутой вежливостью сказал Лян Шу:

— Еще не поздно. Не сдавайтесь раньше времени, особенно здесь.

Чэнь Вэй улыбнулся, помог Лян Шу подняться и тоже покинул двор. Он не пошел за Сянь Чэньюэ, а отправился «караулить» дом старосты. Староста каждый день пил рисовое вино — для Чэнь Вэя это было обычное рисовое сусло, но здесь только староста мог позволить себе роскошь «гнать вино» из ценного риса. К сожалению, никто из его группы не осмеливался воровать у старосты. Тем более ночью. Как бы Чэнь Вэй ни убеждал их, они свято верили, что нужно соблюдать правила, озвученные в самом начале.

Чэнь Вэй вздохнул. Хорошо бы ему оказаться в одной группе с Сянь Чэньюэ. Тот был безжалостен и смел, ради прохождения уровня не останавливался ни перед чем. Жаль...

Он бросил взгляд на спину Су Яня. У того была поразительная удача. Интересно, что с ним будет в следующий раз, если он останется без Сянь Чэньюэ?

Во дворе Лян Шу немного успокоилась. Она старалась стоять прямо, с ненавистью глядя на Цзян Чжунсюя и Чжан Яня. Она им не верила и была уверена, что пирожные украли они. Но доказательств не было, а даже если бы они были — неужели они могли бы избить их до смерти?

— Идем на мельницу, — Лян Шу крепко сжала руку Се Юминь. Двое мужчин последовали за ними.

В деревне была только одна мельница. У этой семьи были свои поля, но зерно они оставляли себе. Если удавалось собрать хороший урожай, излишки продавали в городе, чтобы накопить денег, но в основном жили тем, что делали тофу на продажу. Больше всего они сажали сою и маш.

— Чего опять пришли? — жена мельника, придерживая живот, вышла навстречу, ведя за руку мальчика.

Мальчик был ростом до бедра хозяйки, одет в приличную одежду без заплаток. Но никто, включая Лян Шу, не смел смотреть ему в лицо.

Это было лицо уродца. Без переносицы, с вывернутыми ноздрями, огромными, непропорциональными глазами и широким расстоянием между ними — если смотреть только на верхнюю часть лица, он напоминал сома. Нижняя часть была еще страшнее: без губ, с обнаженными деснами и зубами, вечно покрытыми слюной. Он страдал от тяжелой кожной болезни: лицо было пятнистым, белым и красным, где-то кожа была безжизненной, а где-то — как сырое, содрванное мясо.

Лян Шу, подавляя страх, смотрела только в глаза хозяйке и дрожащим голосом произнесла:

— Хозяйка, мы хотим обменять еще одну тарелку пирожных.

Женщина громко крикнула:

— Тофу на сегодня достаточно! Не продается — пропадет!

Лян Шу взмолилась:

— Хозяйка, мы можем делать не только тофу, всё, что угодно! Заставьте нас делать что угодно!

Это был их последний шанс. Лян Шу сжала подол юбки и повторила:

— Что угодно.

Хозяйка погладила свой живот, мрачно оглядывая их лица. Вдруг она рассмеялась и радушно предложила:

— С тех пор как я забеременела, у меня нет сил присматривать за старшим сыном. Он только что жаловался, что ему не с кем играть. Давайте так: поиграйте с ним день, если ему понравится — дам вам еще тарелку.

Старший сын погладил свой раздутый животик и застенчиво улыбнулся Лян Шу и остальным. Его алые уголки рта растянулись до самых ушей, а огромные глаза вращались — безумно и пугающе.

<http://bllate.org/book/18701/1807456>